

Юлия Владимировна ЛОБАНОВА / Yuliya LOBANOVA

| Город как биографический фактор (на материале Санкт-Петербурга) / City as Biographical Factor (on the Example of St. Petersburg) |

Юлия Владимировна ЛОБАНОВА / Yuliya LOBANOVA

*Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия**Доцент кафедры теории и истории культуры**Кандидат культурологии, доцент**Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg, Russia**Department of Theory and History of Culture**PhD in Cultural Studies, Associate Professor**yuliya_lobanova@mail.ru***ГОРОД КАК БИОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКТОР (НА МАТЕРИАЛЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА)**

В статье анализируются возможности применения биографического метода в культурологических исследованиях. В отличие от искусствоведения и истории, культурология стремится вывести рассуждения об единичных явлениях на типичный уровень. Данный подход может быть продуктивно использован при рассмотрении биографического материала. При этом в качестве контекста могут выступать социокультурные реалии эпохи, страны, города. В статье таким контекстом и одновременно биографическим фактором выступает город. На примере деятелей петербургской культуры, чье становление пришлось на вторую половину XIX – начало XX века, выявляются общие основания, определившие их восприятие Санкт-Петербурга не как отвлеченной идеи (символа), а как комфортной, эстетически окрашенной среды обитания. Проводится параллель между восприятием города в периоды позитивизма и постмодернизма.

Ключевые слова: биографический метод, культурологические методы, типология, типический уровень, город, культура города, восприятие, позитивизм, романтизм.

Биографический метод не является базовым для науки о культуре, основные рассуждения которой строятся не на индивидуальном, а на «срединном», типическом уровне. Данный уровень предполагает наличие соответствующего

**CITY AS BIOGRAPHICAL FACTOR
(ON THE EXAMPLE OF ST. PETERSBURG)**

The article analyzes the possibilities of applying the biographical method in cultural research. In contrast to art history and history, culturology seeks to deduce arguments about single phenomena on a typical level. This approach can be used productively in considering biographical data. At the same time, the socio-cultural realities of the era, the country, and the city can serve as a context. The city such is a context and the biographical factor at the same time in this article. We use the examples of St. Petersburg' culture personality's, whose formation took place in the second half of the XIX – the beginning of the XX century, to define the common grounds of their perception of St. Petersburg not as an abstract idea (symbol) but as a comfortable, aesthetically colored habitat. We made a parallel between the perception of the city in the periods of positivism and postmodernism.

Key words: biographical method, culturological methods, typology, typical level, city, city culture, perception, positivism, romanticism.

context. In quality of the last one can act as socio-cultural realities of a concrete epoch, also being perceived as a type, i.e. a model, only being mediated by reality and fixing the processes and tendencies, which

Юлия Владимировна ЛОБАНОВА / Yuliya LOBANOVA

| Город как биографический фактор (на материале Санкт-Петербурга) / City as Biographical Factor (on the Example of St. Petersburg) |

можно считать магистральными, проявляющимися в большинстве феноменов, возникших в рассматриваемое время. В теории художественной культуры принято выделять в качестве отдельной модальности искусствосферы так называемое «духовно-содержательное измерение»¹, и, пожалуй, нет особых оснований сомневаться в том, что большинство артефактов, принадлежащих одной культуре, ушедшей в прошлое или продолжающей существование, будут иметь нечто общее как по смыслу, так и по форме.

Носителем типических качеств, обусловленных социальным и культурным контекстом, являются не только результаты человеческой деятельности, но и сам человек в его «личностном» прочтении. Основной упрек, адресуемый культурологам искусствоведами и другими приверженцами биографического метода как раз и заключается в преувеличенном, на их взгляд, акцентировании общего, типического, социально-обусловленного в ущерб индивидуальному. Сказанное не означает, что культурологические исследования, особенно персонологической направленности, могут обойтись без обозначения биографической канвы, но и в этом случае акцент делается, главным образом, на тех жизненных обстоятельствах, которые можно считать характерными, типическими для своего времени.

Следует отметить, что в современном историческом и искусствоведческом знании биографический метод тоже в значительной степени утратил свои позиции. В частности, искусствоведение поставило во главу угла артефакт, воспринимаемый как ценность вне зависимости от того, в какой степени он может свидетельствовать об особенностях времени своего создания или перипетиях в жизни

¹ Применительно к истории художественной культуры данное измерение последовательно рассмотрено в давнем, но не утратившем своей актуальности двухтомнике «Художественная культура в докапиталистических формациях» (1984) и «Художественная культура в капиталистическом обществе» (1986); оба издания – под ред. М.С. Кагана.

выдающегося автора (тем самым пройдя путь от «истории искусства к науке об искусстве»², от ситуации «когда одна биография сменяла другую, причем, обращаясь к искусству прошлого, авторы ограничивались повторением сведений своих предшественников, лишь более или менее видоизменяя их»³, – к «биографии» отдельных произведений или совокупного художественного наследия писателя, художника, композитора и т.д.).

Аналогичной до определенного момента была (а в известной степени и остается) ситуация в исторической мысли. Не случайно Ф. Бродель в середине XX столетия писал о необходимости «противостоять истории, сомнительно редуцированной к роли ключевых героев» и предлагал задуматься над односторонностью утверждения Г. Трейтчке (Трейчке) «Люди делают историю»⁴. Действительно, история часто трактуется как цепь исключительных событий, которые вершатся выдающимися личностями⁵. В подобной трактовке жизнь всех остальных людей «определяется драматическими случайностями; игрой появляющихся здесь исключительных существ, которые часто становятся хозяевами их, а порой и нашей судьбы»⁶. Еще раз подчеркнем, что биографический метод, как правило, направлен на описание жизненного пути *исключительных* личностей, в той или иной мере определивших ход исторических событий или

² Базен Ф. История истории искусства. От Вазари до наших дней: Пер. с франц. / Послелсл. и общ. ред. Ц. Г. Арзаканяна. М.: Прогресс, Культура, 1994. С. 93.

³ Там же. С. 53. Не случайно монументальное исследование Дж. Вазари, которое подробно рассматривает Базен, во многом заложившее основы искусствоведения, называлось «Жизнеописания прославленных живописцев, скульпторов и архитекторов».

⁴ Бродель Ф. Очерки истории / Пер.с франц. Э. Орловой. М.: Академический проект; Альма Матер. С. 17.

⁵ Бродель с иронией пишет о том, что историк, разделяющий подобное видение процессов, «получает удовольствие от того, что вращается среди мировой знати» (Бродель Ф. Указ.соч. С. 18).

⁶ Бродель Ф. Бродель Ф. Очерки истории / Пер.с франц. Э. Орловой. М.: Академический проект; Альма Матер. С. 18.

Юлия Владимировна ЛОБАНОВА / Yuliya LOBANOVA

| Город как биографический фактор (на материале Санкт-Петербурга) / City as Biographical Factor (on the Example of St. Petersburg) |

развития какой-либо сферы культуры, и в этом смысле он противоположен основным установкам культурологии с ее поисками типического.

Удивительным образом биографический метод часто оказывается несовместим с контекстным видением рассматриваемых явлений, хотя, казалось бы, ничто не должно мешать исследователю «протянуть нити» от деятельности рассматриваемого автора (авторов) к другим персоналиям и фактам. Однако если эти нити и существуют, то чаще всего трактуются в глубоко индивидуализированном, частном ключе. Вероятно, это связано с отмеченной выше установкой «биографов» на объяснение причин исключительности отдельно взятой персоны – исключительности, истоки которой не могут, в их представлении, крыться в обстоятельствах, общих для гения и всех остальных людей, принадлежавших к тому же социокультурному пространству, но не оставивших следа в истории. «Общий план» оказывается скрыт за массой нюансов, подробностей, которые делают биографический метод максимально описательным. Думается, что с помощью подобной описательности историк стремится реализовать *претензию на объективность* предлагаемого им видения исторических или художественных процессов. Главная задача историка, придерживающегося данного метода, – не упустить ни одной детали, потому что при такой степени приближенности к материалу, тем более биографическому, невозможно деление на главное и второстепенное, более того: любое стремление иерархизировать факторы, что-либо определившие в жизни и творчестве конкретных индивидуумов, в его глазах будет, скорее всего, свидетельством попытки выстроить концепцию, т. е. ступить на путь субъективности. Поэтому успешность биографических изысканий исторической направленности, как правило, определяется полнотой и «равноположенностью»⁷ собранных материалов.

⁷ Основанной на не лишнем основании предположении, что, к примеру, потеря близкого человека или несчастная любовь могут играть в судьбе индивидуума

Парадокс же заключается в том, что и концепция, неизбежно предполагающая обобщение (моделирование), и исследование, в основу которого положен метод описания (*в силу недостижимости абсолютной, исчерпывающей полноты*) оказываются объективными и субъективными приблизительно в равной степени. Фернан Бродель — историк, отважившийся на собственную концепцию и подвергавшийся критике со стороны своих коллег, — справедливо отмечал, что история-повествование [тут уместна параллель с биографией, которая также, как правило, повествовательна – Ю. Л.], претендующая «на то, чтобы представить “вещи, как они они происходили на самом деле”», в действительности «предстает как скрытая интерпретация, как настоящая философия истории»⁸. Тем самым он как бы предвидел неизбежный конфликт между историей и культурологией (тогда еще только рождавшейся и им не отрефлексированной), которая, исследуя некие общие тенденции, создавая типологии и модели, проходит мимо исключений, нередко многочисленных, что априори делает ее выводы несоответствующими принципу объективности в глазах историков «классической» школы.

Оставляя вопрос, возможно ли в принципе объективно-научное прочтение биографии средствами какой бы то ни было науки, обозначим некоторые подходы к данному предмету исследования, которые способна предложить культурология. Как уже было отмечено, культурологическое знание претендует на контекстуальность и поиск общего (что предполагает наличие связей между всеми компонентами той или иной культуры). Допущение, что между биографиями всех людей, объединенных пространством и временем, неизбежны черты сходства, продуктивно как минимум по двум причинам: во-первых, только вычленив и обосновав типическое можно получить представление о

не менее значимую роль, чем политические, экономические и иные обстоятельства эпохи.

⁸ Бродель Ф. Очерки истории / Пер.с франц. Э. Орловой. М.: Академический проект; Альма Матер. С. 18.

Юлия Владимировна ЛОБАНОВА / Yuliya LOBANOVA

| Город как биографический фактор (на материале Санкт-Петербурга) / City as Biographical Factor (on the Example of St. Petersburg) |

мере уникальности той или иной личности и ее судьбы. Иными словами, *типическое своеобразие служит контекстом, в котором раскрывается своеобразие индивидуальное*. Во-вторых, указанный контекст позволяет многое понять в действиях людей, чья политическая, религиозная, научная или художественная деятельность послужила «аттрактором» для последующего развития культуры, поскольку любое выдающееся достижение, как правило, содержит в себе указание на определенный – «срединный» – уровень развития культуры. Схематизируя, можно сказать, что творчество гениев Возрождения имело опору в виде несомненных достижений живописцев, архитекторов, поэтов «второго ряда»; открытие Менделеевым периодического закона химических элементов при всей своей значимости находилось в русле научных исканий современной ему науки, в том числе – сложившейся к тому времени петербургской химической школы и т. д. Учет подобного контекста, как представляется, позволяет, не принижая значения сделанного гениями, уйти от их культа, от отношения к ним как полубогам, возникшим в силу стечения исключительных обстоятельств иррационального характера и столь же стихийным образом воздействовавшим на умы и биографии как современников, так и последующих поколений. К этому призывал Фернан Бродель, когда подчеркивал: «Нет, история также делает людей и определяет их судьбу — анонимная история, глубинная и часто безмолвная, к неопределенной, но огромной области которой теперь следует обратиться»⁹. В данном случае обусловленность, о которой говорит автор концепции «времени большой длительности», в равной степени распространяема и на «пассионариев», и на ничем, на первый взгляд, не примечательных представителей человеческого рода.

Высказываясь об истории, «делающей людей», Бродель как раз и имеет в виду тот контекст, фон, в котором человек осуществляет свой жизненный путь. Речь не идет о жесткой обусловлен-

ности судьбы индивидуума внешними факторами, будь то масштабные исторические процессы или особенности конкретной социокультурной среды (не случайна в этой связи оговорка «также», которую вводит ученый в приведенной цитате). К биографии человека, как и к «биографии» цивилизации применима концепция «вызовов и ответов» А. Дж. Тойнби, и вызовы эти могут иметь самое разное происхождение и продолжительность, образовывать различные комбинации, в том числе и с учетом факторов внутренних (например, биологических), по-разному влияя на дальнейшие события. Контекстный подход, в свою очередь, несомненно, является составляющей системно-синергетической парадигмы, и в этом смысле также оправдана аналогия с историческим движением: не только «Клио», но и человек в течение жизни постоянно оказывается «на распутье», перед необходимостью выбора из нескольких вариантов. Эти моменты, откладывающиеся в памяти как судьбоносные или остающиеся незамеченными, и образуют, шаг за шагом, рисунок судьбы.

Несмотря на всю синтетичность науки о культуре, потенциальную готовность учитывать в исследованиях наработки естественных и точных наук, она имеет свои границы, проходящие не только по линии «культурное – природное», но и по линии «личное — индивидуальное». Исследование перестает быть культурологическим в тот момент, когда его автор приходит к выводу об абсолютной уникальности предмета своего исследования, отказывается от попытки поставить его в ряд с другими явлениями того же порядка. Биография любого человека с набором присущих ей «непредсказуемостей», как счастливых, так и трагических, дает основания для подобной установки.

В этой связи неизбежен вопрос о границах, в пределах которых биография хотя бы до известной степени может быть подвергнута культурологическому анализу, рационализирована, объяснена факторами внешнего порядка. Какое культурное пространство является той базовой «единицей», в пределах которой жизнь индивидуума перестает

⁹ Там же. С. 17.

Юлия Владимировна ЛОБАНОВА / Yuliya LOBANOVA

| Город как биографический фактор (на материале Санкт-Петербурга) / City as Biographical Factor (on the Example of St. Petersburg) |

выглядеть калейдоскопом случайностей и поддается типологизированию? Представляется, что таким пространством (по крайней мере, для культур, облекшихся в форму цивилизации, в их числе – культуры Западного мира и России Нового и Новейшего времени) может считаться *город*.

В свое время Н.П. Анциферов отмечал преимущества города¹⁰ как организма, способного раскрыть человеку свою «душу»: «...город доступен нам не только в частях, во фрагментах, как каждый исторический памятник, но во всей своей цельности; наконец, он не только прошлое, он живет с нами своей современной жизнью, будет жить и после нас, служа приютом и поприщем деятельности наших потомков. Город – для изучения самый конкретный культурно-исторический организм»¹¹. Эти же аргументы можно привести, говоря о городе как площадке, в пределах которой биографии многих людей (не только «полубогов») предстают в медиальном – субъективно-объективном – выражении, в общественной и частной испостасях, в атмосфере праздника и повседневности, в пространстве «храма и рынка». Тонкий исследователь, Анциферов писал, что познание города способно дать человеку ощущение хода истории как жизненного процесса¹². Комментируя эту мысль в интересующем нас аспекте можно сказать, что город (особенно в периоды относительной

стабильности) нагляднее, чем национальное государство или иное, более масштабное, социально-культурное образование предоставляет человеку возможность для рефлексии, контекстного видения себя и своей жизни, понимания значимости собственной роли в историческом движении большого целого.

Каким бы спорным ни показалось следующее высказывание, но осознание связи с городом как бы удостоверяет биографию личности, наполняя ее общественно значимым содержанием. К примеру, если слова Микеланджело, приведенные в «Жизнеописаниях» Вазари: «Джорджо, если и есть что хорошее в моем даровании, то это оттого что я родился в разреженном воздухе аретинской вашей земли, да и резцы, и молот, которыми я делаю свои статуи, я извлек из молока моей кормилицы»¹³, – не только шутливы, но и во многом метафоричны, то надпись на ленте Мадонны из композиции «Пьета» («Микеланджело Буонаротти флорентиец сделал»), – предельно конкретна и дает ключ к выявлению не только причин появления этой надписи, но и других событий в биографии великого художника. Многие факты в жизни представителей и античной цивилизации, и эпохи Возрождения (равно как и основные достижения этих периодов в истории культуры) становятся понятными через феномен, который можно обозначить как «городской патриотизм». Однако похожее отношение к городу как компактному, обозримому, имеющему ярко выраженное человеческое измерение контексту могло сохраняться и тогда, когда города перестали быть одновременно и городами-государствами.

¹⁰ Важное для Н.П. Анциферова уточнение: родной город.

¹¹ Анциферов. Душа Петербурга: Очерки / Пред. А. Марголиса; рис. А.П. Остроумовой-Лебедевой. Л.: Ленинградский комитет литераторов; Агентство «Ли́ра», 1990. С.10–11. Поразительно по глубине наблюдение этого же автора: по сравнению с родным городом менее конкретный для осмысления материал представляет не только государство, но и «какой-нибудь малый образец» (в качестве примера последнего Анциферов называет «рыцарский орден, политическую партию, художественную школу» (там же, с. 10)), но так же можно было бы обозначить отдельные районы города или его субкультуры.

¹² Анциферов. Душа Петербурга: Очерки / Пред. А. Марголиса; рис. А.П. Остроумовой-Лебедевой. Л.: Ленинградский комитет литераторов; Агентство «Ли́ра», 1990. С. 10.

¹³ Вазари Дж. Жизнеописание Микеланджело Буонаротти, флорентийца, живописца, скульптора и архитектора // Вазари Дж. Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих [Электронный ресурс]. Режим доступа:

<http://www.abc-people.com/data/michelangelo/vasari-michel.htm#> (01.02.2017) свободный. Загл. с экрана. Яз. рус.

Юлия Владимировна ЛОБАНОВА / Yuliya LOBANOVA

| Город как биографический фактор (на материале Санкт-Петербурга) / City as Biographical Factor (on the Example of St. Petersburg) |

В этой связи показательны биографии некоторых людей, не просто проживавших в Санкт-Петербурге второй половины XIX – начала XX века, но в своем творчестве и мемуарном наследии отразивших роль этого города в своей жизни. Речь идет об А. Н. Бенуа, А. П. Остроумовой-Лебедевой и М. В. Добужинском. В рамках статьи невозможен полноценный культурологический анализ их биографий – обозначим лишь некоторые моменты, позволяющие подвести под них общие основания.

На данный момент существует единственный источник, предлагающий культурологическое понимание культуры Санкт-Петербурга в ее историческом развитии. Это монография М. С. Кагана «Град Петров в истории русской культуры». Если придерживаться предложенной в ней типологии, то ранние этапы жизни каждого из названных «персонажей» пришлось на такие этапы, как «Петербург Достоевского» и «Петербург-Петроград: период трех революций»¹⁴. Оба этапа в историко-культурной динамике города ознаменовались кризисными тенденциями, которые не были преодолены ни тогда, когда город на Неве сохранял статус столицы, ни, тем более, когда он прекратил существование в этом качестве. Упадок, к которому привело нарастание данной тенденции, в числе многих других авторов отразил М. В. Добужинский, создавший знаменитый цикл «Петербург в 1921 году» и написавший в своих «Воспоминаниях»: «С революцией 1917 года Петербург кончился. На моих глазах город умирал смертью необычайной красоты, и я постарался по-сильно запечатлеть его страшный, безлюдный и израненный облик»¹⁵.

¹⁴ В первом издании «Града Петрова...» эти названия имели характер подзаголовков, а сами периоды были обозначены соответственно как «Время драматического диалога» и «Время трагического конфликта».

¹⁵ Добужинский М.В. Воспоминания / Подг. изд. Г. И. Чугунова. М.: Наука, 1987. С. 23.

Противоречия, узлом которых сделался Санкт-Петербург¹⁶, могут быть отчасти объяснены особенностями не только российской, но и европейской культуры, имевшей в XIX веке, согласно еще одной концепции М.С. Кагана, биполярную структуру. Один из полюсов Каган назвал позитивистским, и присутствие позитивистской составляющей в социокультурном пространстве города на Неве у него не вызывало сомнений¹⁷. Второй полюс – романтический – на протяжении столетия имел также имел «подпитку» в социокультурных реалиях эпохи, причем аттракторы, поддерживающие его существование, могли быть самыми разными (в первую очередь, политическими, но также религиозными, эстетическими и т. д.).

Пореформенный Петербург изобилует всеми контрастами и проблемами, присущими городам-миллионникам в период становления индустриального общества. Но эта «изнанка жизни», вскрытая и описанная Ф. М. Достоевским, как и революционные проявления, принимавшие разные формы, в том числе террористические, которым этот писатель тоже поставил диагноз, – как бы уравновешивалась типичной для среднего класса, в целом оптимистичной мировоззренческой установкой, базирующейся на достижениях современной науки и техники и связанным с ними положительным влиянием на городскую повседневность.

Главы семейств, к которым принадлежали будущие художники, занимали достаточно высокие посты (архитектор Н. Л. Бенуа и П. И. Остроумов были статскими советниками, В. П. Добужинский – генерал-лейтенантом), но по происхождению они относились к разночинному сословию и положением в обществе были обязаны исключительно личным заслугам. У их детей были все основания воспринимать не только свое жили-

¹⁶ Каган М.С. Град Петров в истории русской культуры. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Паритет. С. 164, 166.

¹⁷ Раздел «Петербург как носитель научно-технического прогресса» в главе «Петербург Достоевского» (Каган М. С. Град Петров в истории русской культуры. С.169–175).

Юлия Владимировна ЛОБАНОВА / Yuliya LOBANOVA

| Город как биографический фактор (на материале Санкт-Петербурга) / City as Biographical Factor (on the Example of St. Petersburg) |

ше, но и город детства как защищенный, стабильный, упорядоченный мир. Данное обстоятельство чрезвычайно важно. Все три автора, о которых идет речь, выдержали свои воспоминания о Санкт-Петербурге 1870-1880-х годов в оптимистичной, камерной, задушевной тональности, что объясняется не только особенностями детского восприятия, заботливо воссозданного на страницах их «меморий», не только чувством ностальгии по ушедшему детству и утраченной родине (Бенуа и Добужинский писали свои записки, находясь в эмиграции) и знанием катаклизмов, через которые прошла культура в первой половине XX века. Таким был город, данный им в ощущениях и наблюдениях, т. е. явленный в полном соответствии с принципом достоверности, наглядности, присущим позитивистскому мировоззрению эпохи. Между ними и городом не было дистанции в виде петербургской мифологии или сложившегося к тому времени «петербургского текста» русской литературы.

Согласно концепции биполярного устройства европейской культуры Нового времени, «позитивистски-сциентистское и романтически-идеализирующее направления... проявлялись в ней не только в более или менее последовательных “чистых” и противостоящих друг другу формам, но и взаимосвязанными в мировоззрении и творчестве одного и того же деятеля культуры, хотя и в разных пропорциях...»¹⁸ Можно предположить, что в картине мира трех названных персоналий позитивистские ориентиры играли определяющую роль. И речь не только об их пропорциональном доминировании, а о влиянии на конкретные проявления романтического в мировоззрении и мироощущении каждой из этих личностей.

Романтическая составляющая культуры Петербурга, неизбежно сохранявшаяся в условиях «господствующей буржуазной реальности» и по-

литического брожения, в их сознании находила выражение в формах, не нарушавших общей гармонии их жизненного мира, и подпитывалась чтением книг о путешествиях, поездками в петербургские пригороды и другие города России, музыкой Чайковского, созерцанием технических новинок, проявлениями особой театральности (все без исключения названные персоны написали о впечатлениях, производимых на них петербургской праздничной, «балаганной» культурой), которая в дальнейшем стала одной из существенных характеристик Петербурга-Петрограда конца XIX – начала XX века.

Исследовательница З. Н. Яргина, опираясь на работу К. Линча, выделила основные аспекты «жизненного восприятия и оценки городской среды»¹⁹. Среди них — оценка практических удобств и физического комфорта; оценка социальной значимости города (включающая «и значимость исторического прошлого, и роль в современной жизни страны, и память о событиях и людях, и отношение к сохранившимся в городе памятникам культуры»²⁰); осознание себя в городе, складывающееся из чувства знания города, способности ориентироваться в нем как в пространстве и как в «культурных значениях»; собственно эстетическая оценка²¹. Яргина совершенно справедливо отмечает взаимосвязь эстетического представления о городе и «общего жизненного ощущения»²² Однако, на наш взгляд, можно усилить эту мысль, подчеркнув, что *устойчивая привычка к эстетическому восприятию города формируется при достаточно высокой оценке индивидуумом трех первых из названных факторов.*

Не относясь к высшему петербургскому обществу или категории «униженных и оскорбленных», Бенуа и ровесники его круга воспринимали Санкт-Петербург как естественную, комфортную

¹⁹ Яргина З.Н. Эстетика города. М.: Стройиздат, 1991. С. 74.

²⁰ Там же. С. 74.

²¹ Там же. С. 74.

²² Там же. С. 74.

¹⁸ Каган М.С. Введение в историю мировой культуры: В 2 книгах. Книга вторая. СПб.: ООО «Издательство “Петрополис”», 2003. С. 210–211.

Юлия Владимировна ЛОБАНОВА / Yuliya LOBANOVA

| Город как биографический фактор (на материале Санкт-Петербурга) / City as Biographical Factor (on the Example of St. Petersburg) |

среду обитания, рассматривали его историю в «западническом» ключе, исключавшем формирование двойственного отношения к петровскому наследию, имели возможность для безопасного и неторопливого постижения городского пространства, являвшегося для них как бы органическим продолжением пространства дома. Пожалуй, в последнем отношении у А. Н. Бенуа было преимущество: в его распоряжении действительно была не просто квартира, а дом, значительная часть которого оказалась населенной членами его семьи: «Для психологии мальчика, имевшего в своем распоряжении совершенно необычайное количество комнат, имевшего на правах близкого родного доступ повсюду и во всякое время... все это расширяло и разнообразило “ощущение своего”. Оно воспитало и некое чувство защищенности в отношении всего окружающего»²³. Однако и М. В. Добужинский развил в своих мемуарах похожий сюжет, отметив ту приветливость, которую демонстрировали по отношению к нему, мальчику, и родственники, жившие в разных частях Петербурга, и сослуживцы отца, и «старенький швейцар с большими баками»²⁴.

Отдельные фрагменты городского пространства, воспринятые в комфортных условиях, в присутствии отца или няни, приводили всех этих авторов к осознанию ценности города в целом («Я понимал прелесть моего города, мне нравилось в нем все; позже мне не только уже все нравилось, но я оценил значение всей этой целостности»²⁵). Отличавшийся точностью суждений А. Бенуа, открывая книгу воспоминаний разделом «Мой го-

род», особо подчеркнул этот момент — связь городского патриотизма с возможностью постепенного, чувственно-наглядного постижения конкретного места²⁶.

Современные исследователи отмечают: «Образ города складывается уже при первом знакомстве с ним, обогащаясь и кристаллизуясь в повторных посещениях и при длительной жизни в нем. <...> При этом происходит процесс перехода от первоначального ощущения к глубокому знанию и привычке»²⁷. Отметим еще раз, что для всех рассматриваемых авторов действие психологического механизма «складывания образа города и чувства идентификации с ним»²⁸ осуществлялось в обстановке, не подвергающей испытаниям зарождение в них привязанности к Санкт-Петербургу и не противоречащий в целом позитивистским устремлениям своего времени.

Все выявленные обстоятельства в дальнейшем сказались на художественной деятельности этих людей и их вкладе в петербургскую культуру, сущность которого сформулировала А. А. Ахматова, начавшая свои записки о городе фразой: «О “красоте” Петербурга догадались художники-мирискусники»²⁹. Как было отмечено, эстетическое восприятие города можно считать производным от всех остальных аспектов восприятия города, если это восприятие в силу как общественных, так и личных обстоятельств формируется в комфортных условиях. Важно сделать акцент на стадии формирования «городской идентичности» индивидуума, потому что, возникнув, потребность видеть красоту города сохраняется в любых

²³ Бенуа А. Мои воспоминания: в пяти книгах. Книги первая, вторая, третья / Отв.ред. Д. С. Лихачев. М.: Наука, 1980. С. 183.

²⁴ Добужинский М. Воспоминания [Электронный ресурс]. Режим доступа:

http://dobuzhinsky.com/text/vospominaniya_peterburg-moego-detstva.html (07.02.2017) свободный. Загл. с экрана. Яз. рус.

²⁵ Бенуа А. Мои воспоминания: в пяти книгах. Книги первая, вторая, третья / Отв.ред. Д. С. Лихачев. М.: Наука, 1980. С. 11.

²⁶ Для сравнения – помещенное на той же странице признание Александра Николаевича, касающееся страны в целом: «...я Россию как таковую, Россию в целом знал плохо...» (Бенуа А.Н. Указ. соч. С. 11).

²⁷ Яргина З.Н. Эстетика города. М.: Стройиздат, 1991. С. 75.

²⁸ Там же. С. 75.

²⁹ Ахматова А. Сочинения в 2-х т. Т. 2. Проза / Сост., подг.текста и коммент. Э. Герштейн, Л. Мандрыкиной, В. Черных. Переводы (сост. и коммент. Н. Глен). М.: Художественная литература, 1986. С. 248.

Юлия Владимировна ЛОБАНОВА / Yuliya LOBANOVA

| Город как биографический фактор (на материале Санкт-Петербурга) / City as Biographical Factor (on the Example of St. Petersburg) |

жизненных обстоятельствах, что подтверждается примерами из биографий тех же авторов, одному из которых, А.П. Остроумовой-Лебедевой, в дальнейшем выпало пережить блокаду Ленинграда³⁰.

Ахматова в приведенной цитате взяла слово «красота» в кавычки, тем самым, возможно, подчеркнув очевидность открытия, сделанного мирискусниками. Между тем мысль о красоте города как объективной данности, влияющей, в свою очередь, на самосознание петербуржцев, утвердилась именно благодаря А.Н. Бенуа и людям, разделившим его, в своей основе позитивистские, взгляды. М. С. Каган в монографии «Град Петров в истории русской культуры» пишет об особой эстетической восприимчивости как о типичном свойстве петербуржцев, воспитанном Пушкиным. С этим утверждением можно согласиться, сделав одну существенную оговорку. Тот же Каган разделил оценки Санкт-Петербург на три группы: «для одной характерно влюбленно-восторженное к нему отношение <...> противоположная оценка, резко-негативная <...> наконец, третья позиция восходит к самому Пушкину, лаконично выявившему *двуликость* Петербурга в известной строке стихотворения: “город пышный, город бедный”, и раскрывшему эту характеристику в “Медном всаднике” как своеобразный *фантастический диалог* Петра и Евгения»³¹. Иными словами, отношение великого поэта к Петербургу было глубоко амбивалентным, причем в его творчестве, которое может служить «заставкой» к периоду наивысшего расцвета горо-

да на Неве, любые противоположности находили примирение.

В значительной степени логическим развитием данной линии в осмыслении Санкт-Петербурга явился мотив столкновения чувств любви и ненависти по отношению к этому городу. Среди людей, чье «петербургское самосознание» оказалось расколотым подобным образом, было немало как сверстников, так и младших современников Бенуа. Ярчайший пример – А. А. Блок, о котором один из советских исследователей высказался так: «Блок, в отличие от буржуазно-декадентских поэтов, разрабатывавших тему Петербурга в узко-эстетическом плане³², раскрывал ее (уже в ранних стихах) в ее историко-философском и социальном преломлениях, следуя, в основном, традиции Достоевского»³³. В русле этой же традиции, ставшей неотъемлемой частью отечественной литературы, воспринимал Санкт-Петербург Д. С. Мережковский (принципиальная несовместимость позиций собственно художественного и литературного разделов сыграла не последнюю роль в прекращении существования журнала «Мир искусства»).

Пример Блока и Мережковского, полярный по отношению к опыту Бенуа, Добужинского и Остроумовой, казалось бы, служит еще одним подтверждением неприменимости биографического метода к задачам науки о культуре. Для всех этих людей Петербург был родным городом. Если восприятие Петербурга Блоком, родившимся на десятилетие позже Бенуа, может быть объяснено нарастанием кризисных явлений и, следовательно, усилением романтических тенденций в культуре города, то Мережковский принадлежал к тому же поколению, что и Бенуа и Остроумова. Осмысление Блоком и Мережковским Санкт-Петербурга прежде всего как «ментального пространства» нельзя

³⁰ Ее блокадные дневники, разумеется, содержат массу бытовых подробностей, но в них находится место описанию зимнего солнца, которое «сверкает тысячами искр на оградах, на заборах, на малейших выступах», и покрытых инеем деревьев, «которые удивительно нежно рисуются на ярко-голубом небе удивительной чистоты и прозрачности» (Дневник от 22 февраля 1942 г. Цит. по: Остроумова-Лебедева А.П. Автобиографические записки: В 3 т. Т. III. М.: Изобразительное искусство, 1974. С. 270).

³¹ Каган М.С. Град Петров в истории русской культуры. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Паритет. С. 10.

³² Нетрудно догадаться, что речь идет об акмеистах, испытывавших сильное влияние А.Н. Бенуа.

³³ Орлов Вл. Город Блока // Блок А.А. «Город мой...»: Стихи о Петербурге-Петрограде. Л.: Лениздат, 1957. С. 21.

Юлия Владимировна ЛОБАНОВА / Yuliya LOBANOVA

| Город как биографический фактор (на материале Санкт-Петербурга) / City as Biographical Factor (on the Example of St. Petersburg) |

объяснить и особенностями петербургской «географии»: к примеру, детство Добужинского, как и молодые годы Блока, были связаны с непарадным Петербургом и т.д. Тем не менее, можно уловить некоторые закономерности, позволяющие понять, почему одни петербуржцы воспринимали город прежде всего как среду обитания, а другие даже во второй половине XX века склонны были утверждать: «Мы все немного испорчены гуманизмом. Дело в том, что это не город для того, чтобы в нем жить, это город для представительства»³⁴.

Как и в истории европейской культуры, в истории Санкт-Петербурга можно выявить периоды стабильности, в которые «картина мира» в пределах социокультурного пространства города оказывается внятной и относительно комплиментарной по отношению к человеку. Вторая половина XIX века в этом отношении имела предшественника – период, обозначенный М. С. Каганом как «Петербургское Просвещение». Именно тогда столица Российской империи впервые предстала не как средоточие символов, репрезентирующих государственную идею, а как место для житья, а «петербургский текст» обогатился бытовыми сценами и пейзажными зарисовками (например, в поэзии Г. Р. Державина). Осознание Петербурга как естественной среды обитания было присуще А. С. Пушкину, что подтверждается, в частности, знаменитыми строками из его письма, написанного в 1834 году: «Да ведь Летний сад мой огород. Я вставши от сна иду туда в халате и туфлях. После обеда сплю в нем, читаю и пишу. Я в нем дома»³⁵. Однако оно, как уже было отмечено, уравновешивалось в его творчестве символической трактовкой

города, свидетельствующей о наметившемся переходе культуры последнего в фазу кризиса.

В «послепушкинский» период восприятие города в значительной степени определялось соотношением (и характером проявления) тенденций позитивистской и романтической направленности в биографии конкретного индивидуума. В частности, можно заметить, что к романтическому/символистскому восприятию Санкт-Петербурга оказывались предрасположены те, чье детство в силу разных обстоятельств прошло в недостаточно комфортных условиях³⁶. По-видимому, определяющую роль в ощущении защищенности или незащищенности выполняла фигура отца (А. Блок, как известно, воспитывался матерью, в 1889 г. вторично вышедшей замуж; Д. Мерзжковского связывали с отцом отношения «отчужденности»). Еще один важный фактор — бытовая «укорененность» (или «не-укорененность»), глубинная связь с конкретным домом/квартирой. Так, семья Александра Блока в первые годы жизни будущего поэта сменила несколько адресов. Позднее он жил, как и Добужинский, в казенной квартире, но с той существенной разницей, что воспитанием его занимался отчим, а не родной отец. Неудивительно, что вещи, памятные мирискусникам до мелочей, Блок воспринимал иначе, признаваясь: «Смутно помню я большие петербургские квартиры с массой людей, с няней, игрушками и елками...»³⁷ Представляется, что данные обстоятельства повлияли на его биографию и творчество не меньше, чем возникший позднее интерес к наследию В. С. Соловьева и сближение с московскими символистами.

Было бы неправильно абсолютизировать роль двух обозначенных выше и ряда других биографических факторов, но они способны вывести разговор из сугубо «персоналистской» плоскости в «типическую». Существует безошибочный индикатор, ука-

³⁴ Лотман Ю.М. Город и время // Метафизика Петербурга (Петербургские чтения по теории, истории и философии культуры. Вып. I / Отв.ред. Л.Морева. СПб.: ФКИЦ «Эйдос», 1993. С. 88.

³⁵ Цит. по: Пушкин А.С. Собр. соч. в 10 т. Т. 10 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://rvb.ru/pushkin/01text/10letters/1831_37/01text/1834/1773_585.htm (10.02.2017) свободный. Загл. с экрана. Яз. рус.

³⁶ В данном случае речь идет прежде всего о психологическом комфорте.

³⁷ Цит. по: Орлов Вл. Город Блока // Блок А.А. «Город мой...»: Стихи о Петербурге-Петрограде. Л.: Лениздат, 1957. С. 9.

Юлия Владимировна ЛОБАНОВА / Yuliya LOBANOVA

| Город как биографический фактор (на материале Санкт-Петербурга) / City as Biographical Factor (on the Example of St. Petersburg) |

зывающий на правомерность такого, по сути культурологического, подхода, — это свидетельства универсальности предлагаемой типологии, возможность ее применения к разным этапам истории Санкт-Петербурга, включая современный. В данном случае можно провести параллель между детством Бенуа, Добужинского и Остроумовой и особенностями петербургского-ленинградского детства, подмеченными в замечательной книге М. В. Осориной «Секретный мир детей в пространстве мира взрослых». Оба этих периода — позитивистский и постмодернистский — имеют черты типологического сходства³⁸. Быть может, поэтому мемуары трех рассмотренных авторов были изданы в советское время: при всех различиях, образ Петербурга 1870–1890-х годов, воссозданный на страницах этих мемуаров, оказался необычайно близким, понятным людям второй половины XX столетия.

---

³⁸ Можно также допустить, что детский возраст в принципе расположен преимущественно к позитивистскому восприятию с долей такого романтизма, который не вступает в острый конфликт с реальностью.

